

А.П. НАЗАРЕТЯН

Большевистская революция в российской и мировой истории

Октябрь (ноябрь) 1917 и последующие годы ознаменовались переломными событиями, ставшими катастрофой для большинства народов бывшей Российской империи и сыгравшие неоднозначную роль в мировой истории. В статье обсуждаются причины, последствия и уроки революционных событий с акцентом на ряд системных факторов, которые до сих пор не привлекали к себе достаточного внимания. Исследовано влияние, оказанное русской революцией на развитие гражданских институтов и процедур западного общества, а также роль образованного ею государства в предотвращении атомной войны. Рассмотрены также причины краха СССР и снизившейся в последние годы устойчивости глобальной геополитической системы.

Ключевые слова: история, война, революция, катастрофофилия, прогресс, техно-гуманитарный баланс.

Мировоззренческим событием, ознаменовавшим начало Нового времени, стало перемещение образа Божества из прошлого в будущее, обеспечившее образование первой в человеческой истории *преформативной* культуры [Мид 1988]. В отличие от прежних эпох, стержневой ценностью стало не воспроизводство традиции, а творение нового в направлении светлой перспективы. Сформировалась идея Прогресса как последовательных изменений “от худшего к лучшему” — картина поначалу линейная и отчетливо евроцентрическая.

Последовавшие разочарования, сомнения и новые исторические исследования помогли критически пересмотреть концепцию прогресса, придав ей системный характер и освободив от оценочных критериев. В истории и предыстории человечества, с одной стороны, действительно прослеживается ряд сквозных векторов, включая последовательное совершенствование культурно-психологических регуляторов агрессии. С другой стороны, “прогресс” обернулся не переходом от плохого к хорошему, а чередой выборов меньшего из зол: за восстановление устойчивости в кризисных фазах приходится платить все большую цену. Наконец, хотя антропосфера изначально была единой системой, наиболее значимые эволюционные события попеременно концентрировались в различных зонах географического и культурного пространства.

С XVII в. фокус планетарной эволюции сместился в Европу, оставшуюся, по мнению многих историков [Мельянцева 1996; Diamond 1999], культурной периферией Евразийского континента после краха Западной Римской империи. В небывалом темпе развивались наука и техника, образование и медицина, социальная организация и гуманистические ценности, формировались нации и классы, а с ними новые противоречия и механизмы согласования.

Назаремян Акоп Погосович — доктор философских наук, кандидат психологических наук, почетный профессор университета “Дубна”, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, главный редактор журнала “Историческая психология и социология”. Адрес: 107091 Москва, Россошанская ул., 12. E-mail: anazaretian@ya.ru

В XX в. Европа ворвалась на гребне оптимистических ожиданий. С увеличивающейся продолжительностью жизни, все более комфортной и безопасной, росло население (почти три столетия до 1930-х гг. совокупное население Земли росло за счет европейцев и выходцев из Европы), параллельно росли доходы и банковские вклады. Научная картина мира – стройная, ясная и близкая к завершению – демонстрировала безграничную силу рационального ума...

Катастрофа второго десятилетия. Почему революция и почему Россия?

Чтобы создать таких бунтарей, вовсе не требуется коварной пропаганды; всюду, где развивается промышленность, возникает коммунистическое движение как порождение пороков того строя, который дает людям некоторое образование, а потом поработщает их. Марксисты появились бы все равно, даже если бы Маркс никогда не существовал.

Г. Уэллс

В 1909–1910 гг. разошлась миллионными тиражами и была переведена на 25 языков книга будущего лауреата Нобелевской премии мира [Энджелл 2009]. В ней было доказано, что войны в Европе отныне исключены, потому что экономически бессмысленны: при столь тесном переплетении национальных экономик разрушение одной из них автоматически повлечет разрушение всех остальных. Поскольку же к тому времени господствовало убеждение в обусловленности политических процессов вообще и войн в особенности экономическими факторами, постольку доказательства Н. Энджелла звучали неопровержимо. Европейцы уверовали, что война для них впредь останется чем-то вроде волнующе опасного сафари на далеких землях.

Но их агрессия не исчезла. Первое десятилетие XX в., политически спокойное, сопровождалось извращенной “модой” на всяческие сумасбродства, вплоть до коллективных самоубийств, а такое состояние духовной культуры часто становится симптомом нарастающей тоски по острым эмоциональным переживаниям [Могильнер 1994; Рафалюк 2012]. С 1911 г. в странах Европы усиливалась жажда то ли “маленькой победоносной войны”, то ли “революционной бури” – специфическое общественное настроение, которое немецкий политолог П. Слотердейк [Sloterdijk 1983] обозначил как *массовый комплекс катастрофофилии*.

По свидетельствам современников, в августе 1914 г. европейские столицы были охвачены “праздничным настроением”, и это наблюдение подтверждают фотографии восторженных толп на улицах. Немецкие интеллектуалы писали, что только теперь начинается настоящая жизнь вместо бессмысленного прозябания прежних десятилетий. Масса простых граждан и государственные деятели по обе стороны образующих фронтов были уверены, что война окажется короткой и победной [Троцкий 2001]. И только самые отчаянные из марксистов верили, что начинается долгожданная мировая война, предсказанная Ф. Энгельсом, и долженствующая перерасти во всемирную пролетарскую революцию. Но, как отмечал в другом месте сам же Энгельс, результатом столкновения многих волей и стремлений в реальной истории всегда становится “нечто такое, чего никто не хотел” [Энгельс 1965, с. 396]. Разразилась страшная война, подобной которой европейцы не знали в предыдущие 266 лет и которая действительно завершилась революцией и жестокой гражданской войной.

Вера большевиков в то, что их почин будет подхвачен зарубежными пролетариями, воплотилась в название нового государства (1922 г.), исключающее этническую идентификацию. Ожидалось, что страны Европы, Азии, а затем и других частей света, подавляя сопротивление эксплуататорских классов, станут интегрироваться в “единое человечье общежитие” (В. Маяковский). Позже было признано и возможное участие в этом прогрессивном процессе непобедимой Красной Армии, что отразилось не

только в политической публицистике, но и в художественных произведениях. Характерны строки известного поэта-романтика П. Когана (1940 г.): “Но мы еще дойдем до Ганга, / Но мы еще умрем в боях, / Чтоб от Японии до Англии / Сияла Родина моя”.

Ожидания большевиков, конечно, не были беспочвенными. Мировая война стала испытанным приемом, с помощью которого правители испокон веку снимают накопившееся внутреннее напряжение: этнографами показано, как первобытные вожди регулярно стравливают между собой племенную молодежь, обеспечивая тем самым сохранение своей власти [Савчук 2001]. Но война, оказавшись намного длительнее и кровопролитнее, чем ожидалось, не сняла, но обострила социальные конфликты внутри воюющих государств. Г. Уэллс, посетивший Петроград и Москву в 1920 г., писал: “Если бы мировая война продолжалась еще год или больше, Германия, а затем и державы Антанты, вероятно, пережили бы свой национальный вариант русской катастрофы. То, что мы застали в России, — это то, к чему шла Англия в 1918 году, но в обостренном и завершенном виде... Западной Европе и сейчас еще угрожает подобная катастрофа” [Уэллс 1958, с. 33]. Как отмечают специалисты по американской истории, в начале 1930-х гг. пролетарская революция реально угрожала и США [Уткин 2012]. Добавлю, что если коммунистические перевороты в Европе и в Азии происходили при более или менее явном участии СССР, то в последующем в Латинской Америке сторонники “диктатуры пролетариата” дважды пришли к власти самостоятельно, на волне антиамериканских настроений: Куба (1959 г.) и Чили (1970 г.).

Вопрос о том, почему именно Россия оказалась “самым слабым звеном в цепи империалистических государств”, обсуждался сотнями современников, последователей и оппонентов В. Ленина с самых разных позиций. Здесь я выскажу ряд соображений, опираясь на новые системные концепции, которым до сих пор не уделялось достаточно внимания при анализе предпосылок и причин революции, равно как и ее неудач.

К 1914 г. Россия превосходила остальные страны по динамике экономического и социального развития. Ежегодный рост национального валового продукта превысил 12%, возростала вертикальная мобильность. За счет сокращения детской смертности в пореформенный период (с 1861 г.) население выросло на 60 млн, так что Россия сделалась самой молодой страной мира. Сегодня известно, что такие великие достижения всегда и везде несли с собой серьезные политические угрозы. Ранее других еще в первой половине XIX в. это заметил А. де Токвиль. Он обратил внимание на то, что накануне Революции 1789 г. французские крестьяне и ремесленники имели самый высокий в Европе уровень жизни, а первая в истории антиколониальная революция состоялась в самых богатых колониях мира — в Северной Америке. Токвиль сделал вывод, что вовсе не “обнищание” (как интуитивно представляется и как позже станет доказывать К. Маркс), а напротив, растущее благосостояние становится предпосылкой революционных взрывов.

В 1960-х гг. концепции Токвиля и Маркса были подвергнуты комплексной сравнительной верификации с учетом последующего исторического опыта, включая три русские революции начала XX в. Американский психолог Дж. Девис [Davies 1969] показал, что политическому взрыву обычно предшествует рост экономического благосостояния и/или улучшение в каких-либо иных сферах социальной жизни. Это вызывает опережающий рост потребностей и ожиданий, что часто сопровождается также чувством неудовлетворенности: через призму растущих ожиданий динамика ситуации воспринимается массовым сознанием искаженно — срабатывает парадоксальный эффект *ретроспективной аберрации* [Назаретян 2005]. Рано или поздно рост сменяется относительным спадом, что в ряде случаев бывает связано с неудачными военными действиями. Спад на фоне ожиданий, продолжающих по инерции расти, провоцирует массовую фрустрацию, которая, как известно из психологических экспериментов, способна обернуться либо депрессией, либо вспышкой агрессии. Здесь уже вступает в силу так называемый *субъективный фактор*: агрессия может быть нацелена на инородцев, иноверцев или на экономические и политические элиты. В последнем случае принято говорить о социальной революции.

Модель Девиса дополняют демографические наблюдения. Значительное сокращение детской смертности при сохранении традиционно высокой рождаемости (первая фаза демографического перехода) существенно увеличивает долю молодого населения, а это также чревато социальными потрясениями [Goldstone 2002; Коротяев, Зинькина 2011]. Молодежная энергия в сочетании с дефицитом свободной земли, интенсивная урбанизация и нехватка рабочих мест в городах — все это усиливает напряженность в обществе и требует выхода накапливающейся агрессии. Здесь, опять-таки, вопрос в том, на какой социальный объект агрессия будет выплеснута...

Обе указанные предпосылки сложились в начале XX в. во всей Европе, но в России они были выражены наиболее отчетливо. В частности, расширяющиеся каналы урбанизации, образовательного и карьерного роста для незначительной молодежи стимулировали усиление амбиций, превышающих ресурсы все еще консервативной социальной системы. Революционные организации умело рекрутировали энергичных активистов с неудовлетворенным честолюбием. Вместе с тем в течение трех предшествующих революций десятилетий левые террористы регулярно отстреливали наиболее успешных государственных деятелей, ухудшая качество управляющей элиты, да и кадровая политика двух последних монархов не способствовала привлечению и удержанию у власти творческих личностей.

Если в 1914 г. правительству удалось переключить бунтарские настроения на военный энтузиазм, то к началу 1917 г. раздражение неудачами на фронте разные слои общества сосредоточили на императорской власти. А в октябре—ноябре власть вооруженным путем захватили большевики, уверенные, что разжигают “всемирный пожар”. Ожидание скорого продолжения всемирной пролетарской революции сопровождало последующую коммунистическую эпопею в России и за рубежом.

Здесь стоит обратить внимание на еще одну — философскую — предпосылку того, что коммунистическая идеология рождала наиболее мощный мотивационный импульс именно у российских революционеров. Идеологи прогресса (Ф. Бэкон, Ж. де Кондорсе и др.) всегда скрепя сердце признавали предельность развития, обусловленную конечной перспективой существования Земли и прочими естественными причинами. Это существенно обесценивало оптимистический образ светлого будущего как временного состояния. Формулировка законов диалектики усилила убежденность в том, что с разрешением всех социальных противоречий наступает “конец истории”, о чем откровенно писал Г. Гегель. Маркс, решительно отвергая такой вывод, прибег к риторической уловке: мы пока живем лишь в *предыстории* (*die Vorgeschichte*), а подлинная история человечества начнется с победой коммунизма, хотя и она когда-нибудь (по Энгельсу — “через сотни миллионов лет”, с исчерпанием энергии Солнца) перейдет в “нисходящую ветвь”.

Но “история” без диалектических противоречий не монтировалась с внутренней логикой концепции. Маркс и Энгельс, как и подавляющее большинство их современников, были уверены, что наука XIX в. близка к исчерпывающему знанию “законов природы”, а потому все возможные технические изобретения уже реализованы. Образ бессобытийного будущего оставался болевой точкой марксистской философии истории, снижая ее концептуальную привлекательность и эмоциональное обаяние.

Между тем в России набрала силу далекая от жизни, наивная, но волнующая *космическая философия*. Плеяда чудаковатых фантазеров, игнорируя установки естествознания XIX — начала XX вв., постулировала техническую возможность выхода человечества за пределы родной планеты. Безудержная вера в неограниченные возможности науки и рационального ума была созвучна оптимистической установке Нового времени, но снимала с нее оковы европейской респектабельности. Так, неожиданно был брошен спасательный круг прогрессистскому мировоззрению вообще и марксизму, в частности: с победой коммунизма “борьба противоположностей” выйдет на качественно новый уровень, продолжившись завоеванием космического пространства! Революционная утопия, раскрашенная новыми красками, сделалась еще более притягательной. Годы спустя космическая амбиция органично встроилась

и в идеологическую борьбу, и в гонку вооружений, сделав СССР пионером в освоении космоса.

Хотя приверженность большевиков полумистическому “космизму” публично не декларировалась, известно, что у них пользовалась популярностью “Философия общего дела” Н. Федорова, обещавшая не только вечный прогресс и индивидуальное бессмертие, но и реанимацию (средствами развивающейся науки) всех когда-либо живших на Земле людей. После чего, по мысли автора, места на планете станут недоставать, и человечество начнет заселять все новые космические тела [Федоров 1982].

Влияние космической философии на умы большевиков наглядно демонстрирует история создания мавзолея Ленина, прослеженная американским советологом [О’Коннор 1993] по архивным материалам. Эта идея, возникшая сразу после смерти вождя в январе 1924 г., вызвала резкие возражения ряда авторитетных лидеров (Л. Троцкого, К. Ворошилова и др.). Но ее энтузиаст Л. Красин, в поддержку мнения И. Сталина и “миллионов рабочих”, использовал убойный аргумент: скоро ученые смогут реанимировать мертвых, и первым должен воскреснуть наш Владимир Ильич. Позже образ бессмертного Ленина обрел аллегорическую форму, но вера в то, что наука упразднит физическую смерть, многими большевиками принималась буквально. Во всяком случае, импульс космической философии также стоит учитывать при выяснении того, почему Россия, а не страна Западной Европы стала пространством воплощения марксистской программы...

Глядя из будущего, мы легко поддаемся соблазну квалифицировать любое нереализовавшееся ожидание как свидетельство недомыслия. Поэтому стоит повторить, что надежда русских революционеров на скорое распространение пролетарских восстаний в Западной Европе, Азии и Америке имела веские основания. Но российский опыт, отрезвив правящий класс Запада, помог ограничить такие сценарии. Для этого был апробирован широкий спектр приемов — от жесточайших диктатур до тонких технологий согласования интересов.

Блеск и нищета пролетарской революции

Быть может, капиталистическому строю везде пришлось бы плохо, если бы революционеры ненавидели “буржуазию” так, как они ненавидят друг друга.

М. Алданов

Бесспорно, захват власти большевиками, гражданская война, насильственный слом традиционных структур — все это стало катастрофой для большинства народов, населявших Российскую империю. Что же касается всемирно-исторической роли этих событий, о ней писали преимущественно в русле коммунистической идеологии. С конца 1980-х гг. данная тема ушла в тень: мейнстримом отечественных публикаций сделались сначала “либеральное” шельмование всего, что когда-либо происходило в России, а затем “патриотическое” возвеличение всякой российской, а до кучи и советской традиции (с анекдотической мешаниной коммунизма и православия). Вероятно, сотня лет — достаточный срок, чтобы попытаться *sine ira et studio* оценить последствия столь неоднозначного события.

Сегодня редко кто помнит, что многими давно привычными привилегиями, которые воспринимаются гражданами цивилизованных стран как само собой разумеющиеся, мир обязан триумфу русских большевиков. Нормированная рабочая неделя, гарантированный оплачиваемый отпуск, бюллетени по болезни и пенсии по старости — за такие требования нанятые предпринимателями бандиты некогда отстреливали профсоюзных активистов. Всеобщее избирательное право, появившееся в Новой Зеландии (1893 г.), только еще пробивало себе дорогу в Европе и Америке. Например, в Великобритании к 1917 г. право голоса имели даже не все взрослые мужчины,

а женщины впервые пришли к избирательным урнам в 1928 г.; в Швейцарии — только в 1971 г. Большевики, захватив власть, воплотили на государственном уровне едва ли не все чаяния левых профсоюзов и политических движений, вплоть до сексуальных свобод. В частности, один из первых декретов советской власти запретил дискриминацию гомосексуалистов.

Далее, правда, с победившими революционерами быстро произошли те же метаморфозы, какие происходят с их “коллегами” практически всегда и везде. В авторитарном мышлении малые различия вызывают более сильное неприятие, чем различия существенные, так что недавние союзники принялись охотиться друг на друга, возводя любое частное разногласие в идеологическую конфронтацию и тем самым рационализируя бескомпромиссную борьбу за личную власть. По доброй старой традиции “революция пожирала своих детей”, вольница первых лет деградировала в репрессивное государство, а многие декреты и установки, носившие декларативный характер, постепенно превращались в зловещую карикатуру. Это касается и земельной собственности, и равноправия граждан, и даже сексуальных свобод, включая тот же “гомофильный” декрет¹.

Но за пределами Советской России революция вызвала потрясение, обнадежившее одних и отрезвившее других. Элиты буржуазного общества, увидев опасную перспективу, стали решительно менять стратегию и тактику. Самые очевидные альтернативы пролетарской революции оказывались тупиковыми: ужесточение репрессий, перенацеливание агрессии с классовых на национальные противоречия и образование режимов фашистского толка. Более эффективными стали психологические, политические и экономические приемы, направленные на компромисс и размывание классовой структуры.

В 1920-х гг. на фабрике “Вестерн электрикс” американского города Хоторн была проведена серия экспериментов с довольно неожиданными результатами. Выяснилось, что социально-психологический климат, настроение и интерес к работе сильнее, чем технические условия, влияют на производительность труда. Это открытие положило начало многогранным перестройкам в организации капиталистических предприятий, направленным на формирование системы “человеческих отношений” (*Human Relations — HR*). Она предполагает демократический стиль руководства предприятиями, привлечение психологов для оптимизации контактов между хозяевами, администраторами различных уровней и низовыми работниками, иногда продажу рабочих акций и прочие средства повышения трудовой мотивации по сравнению с господствовавшей прежде “потогонной” системой тейлоровского типа.

Скоро обнаружился еще более существенный — политический — эффект. При последовательном воплощении в жизнь *HR* в общественном сознании смазывалась “марксистская” картина классового антагонизма, непримиримого противоречия между трудом и капиталом, выбивая почву из-под левых профсоюзов и партий. Этот эффект дополнился отработкой психологами все более хитроумных приемов рекламы. Стимуляция потребления помогла существенно увеличить вместимость рынка, смягчая кризисы перепроизводства и, вместе с тем, формируя “консумптное” мировосприятие, безразличное к философии классовой борьбы. И в 1930–1960-е гг. системные социально-психологические методы эффективно развивались. Опросы 1960-х гг. показывали, что в странах Европы от одной до двух третей работников, которых, по марксистской версии, следовало относить к пролетариату, сами себя идентифицировали как “средний класс”. С развитием же информационных технологий “белые

¹ В 1934 г. Сталин волевым решением ввел в Уголовный кодекс статью о гомосексуализме. После крайне напряженного XVII съезда ВКП(б) советскому лидеру потребовался дополнительный рычаг для борьбы со старыми большевиками, среди которых было немало людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Новая уголовная статья была по преимуществу рассчитана на шантаж: за 17 лет после революции общественные настроения существенно изменились, и жертвы репрессий предпочитали признаваться в “шпионаже” и в “антипартийных заговорах”, но не быть осужденными за “сексуальные извращения”. Между тем в странах Западной Европы десятки тысяч людей публично судили за гомосексуализм до конца 1960-х гг.

воротнички” посмеивались над марксистскими социологами, причислявшими их к пролетариям (из-за отсутствия частной собственности).

Несмотря на все ухищрения левых идеологов, становилось очевидным, что предсказанных Марксом пролетаризации, относительного и абсолютного обнищания масс удалось избежать. Капиталистический мир менял конфигурацию, ассимилируя многие достижения социализма, в то время как общества “победившего пролетариата”, выродившись в тоталитарные режимы с “командной” экономикой, все более консервировались...

Имеются достаточные основания полагать, что прогрессивные трансформации в капиталистическом обществе – следствие шока, пережитого буржуазией от пролетарской революции в России. Но она дала импульс не только социальным, экономическим и политическим преобразованиям в мире. Начавшееся “соревнование социально-экономических систем” интенсифицировало развитие науки и техники как в самой России (СССР), так и далеко за ее пределами.

Здесь открывается еще одно глобальное последствие русской революции, которое по своему значению превосходит все прочие, поскольку касается уже не перипетий социального бытия, а судеб планетарной цивилизации. Вторая мировая война в хитросплетении непредсказуемых политических коалиций завершилась разгромом фашизма. И почти без предисловий переросла в следующую войну, которая, с легкой руки журналистов, а затем политиков и историков, названа *холодной*, хотя на ее фронтах погибли до 25 млн человек (не считая жертв политических репрессий с обеих сторон). Фултонская речь У. Черчилля, считающаяся косвенным объявлением войны, прозвучала в марте 1946 г., но рассекреченные архивы свидетельствуют, что уже в декабре 1945 г. на карте Генштаба США указаны двадцать советских городов в качестве планируемых объектов атомной бомбардировки. К концу 1949 г. (план “Дропшот”) число таких точек на территории СССР возросло до трехсот [Феклисов 2016].

После победы над фашизмом международный авторитет Советского государства достиг небывалого уровня, его экономические успехи, последовавшие за восстановлением хозяйства (и, вероятно, преувеличенные интенсивной пропагандой), казались неуправляемыми, а перспективу распространения коммунистической идеологии нехотя признавали и самые активные недоброжелатели. В обстановке глобальной конкуренции сверхдержав с амбициозными планами мирового доминирования был велик соблазн прибегнуть к самому разрушительному оружию. В процессе суда над супругами Ю. и Э. Розенберг – американцами, якобы передавшими СССР атомные секреты (1952 г.), – прокурор поставил им в вину гибель американских солдат в Корее. Власть США не скрывали, что были готовы нанести ядерный удар, если бы не опасались адекватного ответа. А в 1964 г. кандидат в президенты США Б. Голдуотер заявил, что следует “скорее погубить человечество, чем отдать его в руки коммунистов”. Еще в начале 1970-х гг. американские дипломаты “неформально” добивались согласия на применение тактического ядерного оружия во Вьетнаме, но столкнулись с жестким отпором советского руководства.

Только оперативное обеспечение и длительное поддержание ядерного паритета позволило добиться того, что после Хиросимы и Нагасаки атомное оружие ни разу не было применено. А в 1963 г. в Москве был подписан Договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, аквасфере и космосе, и даже те атомные державы, что отказались его подписать (Франция и Китай), были вынуждены постепенно свернуть такую практику. В исторической памяти значение этого эпохального события недооценивается, хотя экологи позже рассчитали, что если бы отравление среды продолжалось прежними темпами, то к 1990-м гг. жизнь на Земле сделалась бы невыносимой [Ефремов 2004]. Таким образом, при активном участии коммунистов люди едва ли не впервые в политической истории научились формировать глобальные коалиции, *не нацеленные против третьих сил*. Как бы мы ни относились к коммунистическому режиму и к порокам советской власти, нельзя игнорировать ключевую роль СССР в том,

что XX в. состоялся и благополучно завершился: в 1950–1960-х гг. многие не верили в такую перспективу.

Но по мере прогрессивных изменений на Западе идеология классового антагонизма и мировой пролетарской революции теряла былую привлекательность, а ее главный адресат — промышленный пролетариат — растворялся в новых структурах информационного общества. Одновременно достоянием гласности становились гримасы практического воплощения гуманистической идеи народовластия, а конфликты внутри международного революционного движения, невольно воспроизводя после-революционную практику, до боли напоминали обычную борьбу религиозных сект.

Вместе с тем обнаружилось, что экономика, ориентированная на идеал имущественного равенства, лишена внутренних рычагов трудовой мотивации и держится на двух приводящих факторах: мобилизационном энтузиазме и страхе наказания. Такая экономическая система эффективна в обстановке реальной или потенциальной войны, а при недостаточном внешнем напряжении неизбежно ослабевает. Поэтому, кстати, она не могла бы распространиться “на весь мир” — без внешнего врага терялся импульс экономической активности. По той же причине коммунисты категорически отвергали теорию конвергенции экономических систем, предложенную в 1950–1960-х гг. авторитетными зарубежными социологами (П. Сорокин, У. Ростоу и др.).

Добавлю, что и в лучшие времена социалистическая экономика обеспечивала количественный рост, но испытывала серьезные затруднения при решении задач качественного совершенствования производства, поскольку востребовала стандартные методы работы, будучи слабовосприимчивой к качественным инновациям². В условиях научно-технической и информационной революции командная (“мобилизационная”) организация производства пробуксовывала и, вопреки ожиданию коммунистических теоретиков, “мирное соревнование систем” оборачивалось безнадежным отставанием. Открытие новых богатых месторождений нефти, давшее повод для больших надежд, в условиях консервативной экономики обернулось растущей зависимостью от сырьевого экспорта, а значит, и от международных цен на сырье, которыми политические противники научились манипулировать.

Негативную роль в судьбе СССР играла также неравномерная демографическая динамика, обусловленная тем, что страну как бы разделили две фазы *демографического перехода*. В то время как в регионах с преимущественно славянским населением сокращение детской смертности уже повлекло за собой радикальное сокращение рождаемости, в регионах с преимущественно мусульманским населением при тех же условиях она оставалась по-прежнему высокой, и население многократно возросло. Если в 1920-х гг. представители русского этноса составляли подавляющее большинство населения СССР, то, по переписи 1989 г., чуть более половины, и их доля продолжала сокращаться.

Между тем влияние коммунистической идеологии среди нерусских (не только традиционно мусульманских) этнических групп проявлялось значительно слабее, его вытесняли националистические и/или религиозные настроения. Декларации московских теоретиков о том, что в СССР “образовалась социально-историческая общность нового типа — советский народ”, оставались все более беспомощными инструментами пропаганды.

Стоит также отметить, что без демократических процедур отбор и подготовка “руководящих кадров” осуществлялись по принципу конформности, то есть по умению своевременно угадать желание начальства. Творческие способности не были востребованы, а личности с независимым мышлением отсеивались сначала как “враги народа”, позже — как “диссиденты”; в лучшем случае, они избегали политической

² Здесь срабатывает подробно изученный в психологии закон *оптимума мотивации* (закон Йеркса — Додсона). Эффективность простой деятельности прямо пропорциональна силе мотивации, но при сложной деятельности эта зависимость сложнее: с превышением мотивационного оптимума эффективность снижается. Поэтому всемерно культивировавшийся образ “трудовых фронтов” в новых условиях становился контрпродуктивным. А к 1970-м гг. он превратился в пустое клише.

активности. В результате же качество властных элит последовательно снижалось, и творчески отвечать на вызовы времени становилось некому. К тому же предполагаемая быстротечная операция, призванная, в частности, обогатить боевой опыт “засидевшейся в казармах” армии (таков был аргумент министра обороны Д. Устинова за ввод войск в Афганистан), затянулась на девять с половиной лет. Война наглядно продемонстрировала ослабление мотивационного потенциала коммунистической идеологии и усиление новой пассионарной идеологии — исламизма.

После трех подряд (за два с половиной года!) кончин Генеральных секретарей ЦК КПСС в марте 1985 г. новым лидером партии и страны стал М. Горбачев. Начавшиеся поиски выхода из создавшейся ситуации вскоре были оформлены как политика перестройки, включающая и ряд идеологических послаблений — демократизацию и гласность. А далее сработал психологический эффект, о котором еще до перестройки безуспешно предупреждали специалисты по коммуникационным технологиям (сами не ожидавшие, что он так скоро примет общенациональный масштаб). Массы советских людей, воспитанные монологической пропагандой, попали в быстро набирающий силу поток альтернативной информации, обрушивший привычные психологические барьеры. Характерная особенность стереотипного мышления, типичного для большинства советских людей, состоит в том, что стереотипы составляют ядро картины мира, в диссонирующем информационном потоке не разрушаются, а *переворачиваются*. Иначе говоря, предмет видится по-прежнему одномерно, но эмоциональная окраска образа меняет знак [Назаретян 1986; Назаретян 2005; Петренко, Митина 1997]. Таким образом, эйфория первых двух лет перестройки сменялась усиливающимися симптомами разложения тоталитарной системы, а с ней и государства. Неуклюжие попытки консерваторов повернуть процесс вспять, вплоть до провалившегося военного путча в августе 1991 г., только форсировали саморазрушение страны. В декабре того же года холодная война завершилась крахом Советского Союза...

А если бы?..

История — самая сослагательная из всех наук.

Я. Освительный

Следует отметить, что Горбачев пытался осуществить реформы подобные тем, которые в 1970-х гг. провело в Китае правительство Дэн Сяопина, а еще раньше замыслил Л. Берия, хотя адепты перестройки, по понятным причинам, ссылались на ленинскую новую экономическую политику (НЭП). Но Ленин в 1921 г. рассматривал НЭП как временный компромисс с буржуазией для спасения от экономического краха государства диктатуры пролетариата. А Берия, планировавший экономическую либерализацию, в 1953 г. потерпел поражение и был расстрелян. Попытка перевести экономику на рыночные рельсы поколением позже имела мало шансов на успех. “Кулаки” и прочие предприниматели, помнившие нормальную практику частной собственности, уже умерли или безнадежно постарели, а частное предпринимательство, успевшее подпольно утвердиться при советском режиме, было выстроено по сугубо криминальным схемам. Наконец, политические и идеологические рычаги к 1980-м гг. ослабли настолько, что властные структуры в экономике оказались неконкурентоспособными.

В современной эволюционной теории ключевой фигурой стало сослагательное наклонение, без которого любые концептуальные модели остаются описательными. В данной связи напрашивается ряд интереснейших вопросов. Как развивались бы события в стране и в мире, если бы в 1985 г. победили соперники Горбачева — сторонники ужесточения внутренней и внешней политики? Если бы в 1953 г. верх

одержал Берия? Если бы пролетарская революция случилась не в России, а например, в Германии?

Такого рода “исторические случайности” представляют богатый материал для ретропрогнозирования как метода, помогающего выявить причинные зависимости социального развития. Альтернативные модели прошлого составляют перспективу исторической науки, но они требуют столь мощного информационного аппарата и столь глубокой междисциплинарной кооперации, что об этом пока остается только мечтать. И все же вопрос, почему очередная версия всеобщего равенства и братства осталась достоянием истории, не перестает волновать обществоведов. Чем был обусловлен крах марксистской программы: незрелостью “русского крестьянского менталитета” или коренными пороками утопии?³ Дополнительные штрихи в давнюю дискуссию вносят новые системные модели.

Исследования (Э. Дюркгейм, В. Парето) обнаружили, что индивидуальный выбор поведения и даже личностные качества людей в значительной мере заданы конфигурацией системных ниш, многие из которых воспроизводятся при всех перестройках социальной системы. К числу инвариантов относятся иерархическая структура, неравномерное распределение властных функций, доходов и благ, что демонстрируют также остроумно проведенные эксперименты с животными популяциями [Helder, Desor, Toniolo 1995]. Система востребует и различные варианты девиантного мышления и поведения, вплоть до психических отклонений [Молчанова, Добряков 2008].

Кроме того, до формирования кибернетической теории систем ни в науке, ни в европейской философии не выделялась в качестве самостоятельного предмета категория *разнообразия* как фактора устойчивости. Размышления китайских философов на эту тему были в Европе малоизвестны, а для классиков коммунистической теории — от Т. Мора и Т. Кампанеллы до К. Маркса и В. Ленина — характерно смешение *равенства* и *тождества*. Упреки в том, что в восторженных романах утопистов о будущем все персонажи “на одно лицо”, вызвали всплески эмоциональной, но бессодержательной риторики. Маркс с Энгельсом романов не писали, но в их прогнозах предполагалось, например, что при коммунизме будут устранены не только имущественные, классовые, гендерные или родовые, но и профессиональные различия: каждый станет “гармонически развитой личностью”.

Такая мечта была созвучна эпохе предельной специализации и дегуманизации труда, превратившей работника в бессловесный придаток к конвейеру, когда ожидалось (и в этом трудно было возразить Марксу), что участь угнетенных пролетариев ожидает подавляющее большинство граждан капиталистического общества. Поскольку же промышленное производство сводилось к набору все более простых операций, логично звучал вывод о том, что проблема “профессионального кретинизма” будет снята регулярным чередованием деятельности. Кажется, никто тогда не обратил внимания на то, что личность при такой идиллии становится тотально заменимой в каждой своей функции и не защищенной от коллективного прессинга ни имуществом, ни профессией, ни семьей. Здесь уже образ “светлого коммунистического завтра” резонировал, скорее, с умонастроением крестьянской общины; это также могло сыграть роль в том, что, вопреки ожиданиям классиков марксизма, образ прижился не в “передовой” Германии, а в “отсталой” России.

³ Стоит отметить, что полутора столетиями ранее довольно успешная попытка воплотить в жизнь “Город Солнца” по проекту Т. Кампанеллы была предпринята отцами-иезуитами в Южной Америке [Каспэ 1994]. Правда, индейцы, ставшие гражданами коммунистического государства, были недавними охотниками-собирающими, носителями первобытного сознания. Они не имели опыта товарно-денежных отношений, не ведали накопительской психологии и привычно предпочитали коллективные действия индивидуальным. Поэтому образование квазигосударства с “тоталитарной” структурой, изолированного от внешнего мира, гармонизовало с их мировосприятием и спасло жизни сотням тысяч туземцев.

В наш мир пришла сама метафизика войны, она разливается буквально по всему спектру материального и нематериального мира. Именно эта метафизика кристаллизует коллективное сознание, мобилизует групповые и персональные инстинкты.

М. Кочубей

Крах СССР стал катастрофой глобального масштаба, но многие и внутри умирающего Союза, и на постсоветском пространстве, и далеко за его пределами верили, что окончание холодной войны надолго, если не навсегда, избавит человечество от новых войн. Эта вера оформилась статьей гегельянца Ф. Фукуямы о “конце истории” [Фукуяма 1990], которая быстро стала международным бестселлером. Конгресс США сокращал финансирование Пентагона и ЦРУ, выглядевших уже отживающими свой век институтами, — и через четыре года мир ошеломил новый бестселлер. В статье [Хантингтон 1994] утверждалось, что с падением коммунистических режимов политическая обстановка только ухудшится. С коммунистами легче было найти взаимопонимание, поскольку это наследники европейской традиции и во многом близких Западу ценностей. Теперь же мир делится по религиозному признаку на семь или восемь региональных “цивилизаций”, перманентно воюющих между собой, так что надо не снижать, а наращивать боеготовность.

К сожалению, с устранением одной из двух сверхдержав мир действительно стал менее устойчивым и более опасным, но я прослеживаю здесь несколько иные причинные связи. Глобальная геополитическая система, достигшая относительной устойчивости к 1980-м гг., была разрушена, но двухполюсная ментальная матрица “они — мы” оказалась более устойчивой. На одном полюсе эйфория победы в холодной войне вызвала всплеск экспансионистских амбиций; другой полюс, опустевший с уходом СССР, стал заполняться экстремистскими группировками, которые прежде натаскивались противостоящими блоками в пику друг другу, а теперь, став ненужными прежним хозяевам, одичали⁴. Образовавшаяся *патология полюсов* радикально снизила качество политического мышления: будто гротескнейстеры 1960–1980-х гг. уступили место шахматистам низшего разряда, не умеющим просчитывать события на доске далее одного хода.

То, что Хантингтон обозначил как “столкновение цивилизаций”, по моим наблюдениям, оказывается *столкновением исторических эпох*. Происходит оно не по границам, а внутри стран или регионов, и прошлое все чаще берет реванш. Дело не в интенсификации миграционных потоков, которая сама часто становится следствием недальновидной политики. Вот типичное наблюдение американского аналитика: «Национальное унижение от запуска советского Спутника побудило правительство США активно поощрять науку и образование, чтобы “не отстать от Советов”. По окончании же Холодной войны публике вновь навязывается идеология религиозного фундаментализма и креационизма» [Mirkovic 2015, p. 196]. Интерес государства и широкой публики к науке резко снизился. Началась реанимация религиозных настроений, охвативших как массы, так и профессиональных политиков: по данным Института Гэллапа, 70% республиканцев верят, что Бог создал мир за шесть дней. Фиксируется регресс настроений к ситуации 1920-х гг., когда в ряде штатов преподавание теории эволюции было приравнено к уголовному преступлению (“Обезьяний процесс” и т.д.) [Харрис 2012; Mirkovic 2015].

В Западной Европе иммиграция, интенсифицированная бездумным разрушением авторитарных режимов в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке

⁴Такая ситуация хорошо знакома экологам: например, с отстрелом волков их нишу занимают одичавшие псы, которые оказываются гораздо опаснее и для человека, и для экосистемы.

(“Арабская весна”), в свою очередь, реанимирует расистские установки. Если не будут найдены нетривиальные решения, то в обозримом будущем либо произойдет откат к 1920–1930-м гг., либо Европу захлестнут волны Средневековья. Нетривиальные решения могли бы прийти с востока, но и Россия демонстрирует все более заметные признаки отката в православие, а также тоски по внутренне спланивавшему образу общего врага. Регионы Ближнего и Среднего Востока стали обильным резервуаром ретроградных идеологий. Возможно, оплотом светского мировоззрения остаются пока некоторые страны Дальнего Востока, но этот вопрос требует более детального обсуждения.

Об опасно снизившемся качестве мышления ведущих западных политиков я писал в американской печати сразу после югославской и иракской авантюры НАТО [Nazaretyan 2003]. Еще раньше американская исследовательница С. Маттерн, специалист по истории Древнего Рима, провела красноречивую параллель между поведением на международной арене новых американских политиков и их античных коллег накануне краха Западной Римской империи [Mattern 1999].

Наивно было бы ждать, что академические публикации кого-либо отрезвят, и с тех пор бездумные авантюры следуют нескончаемой чередой. Они раз за разом оборачиваются эффектами бумеранга для инициаторов и при этом расшатывают глобальную геополитическую систему, превращая международное право в ностальгическое воспоминание. Реально политика вырождается в игру сиюминутных амбиций, личных и корпоративных, маскируемых под “национальные интересы”. При этом идеологии, будоражившие XX в., утратили былую пассионарность, и даже самая устойчивая из них — рыночный либерализм, — оторванная от протестантского фундамента, уже не обеспечивает стратегических смыслов. В условиях смыслового дефицита становятся востребованными средневековые идеологии, а самый простой и архаичный механизм выстраивания смысловых координат — поиск общих врагов — побуждает творить все новых демонов. Эпидемия *катастрофофилии*, поразившая Европу во втором десятилетии XX в., вновь свирепствует спустя сотню лет, но с поправкой на новейшие технологии: на сей раз она приняла глобальный масштаб⁵.

Глобальное будущее: бифуркация XXI века

Покорение живущих сегодня людей можно смело считать самым значительным из всех, что когда-либо жили на нашей планете. Именно они должны определить, достигнет ли человечество... великой цели или будет ввергнуто в пучину хаоса.

М. Каку

Независимые расчеты, проведенные учеными разных стран и специальностей, привели к выводу, что наступивший век, по всей вероятности, ознаменуется переломом такого масштаба и значения, подобного которому до сих пор не происходило в истории ни человечества, ни живой природы [Snooks 1996; Панов 2005; Kurzweil 2005]. Либо планетарная фаза эволюции сменится космической, либо начнется ее “нисходящая фаза” с перспективой быстрой деградации общества и природы.

Новейшие исследования в области астрофизики и космологии ([Rees 1997; Дойч 2001; Дэвис 2011; Smolin 2014] и др.) показывают, что диапазон управления масс-энергетическими процессами принципиально не ограничен; соответственно, распространение разумного влияния на космическое пространство не имеет потенциальных ограничений.

⁵ Самое яркое событие в политической жизни 2016 г. — президентские выборы в США и неожиданная победа Д. Трампа — может временно переориентировать внимание американской элиты на внутренние разборки. Это способствовало бы некоторому спаду международной напряженности, и при умелом использовании момента российским правительством помогло бы восстановить устойчивость глобальной геополитической системы.

К сожалению, психологи и антропологи, со своей стороны, не готовы так же уверенно оценить диапазон разумного контроля со стороны людей над их собственными агрессивными импульсами. До сих пор человечеству удавалось совершенствовать культурно-психологические регуляторы (ценности, нормы социоприродных и внутрисоциальных отношений) в соответствии с растущим технологическим могуществом. Но это достигалось ценой драматического отбора жизнеспособных социальных систем: на протяжении тысячелетий общества, не умевшие своевременно компенсировать возросшую мощь производственных и боевых технологий, последовательно выбраковывались из исторического процесса, подорвав природные и (или) геополитические основы своего существования. Системная зависимость между инструментальным потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью общества подробно исследована и представлена *моделью техно-гуманитарного баланса*.

В соответствии с моделью, выход Земной цивилизации на тот или иной аттрактор может решающим образом зависеть от того, насколько культурно-психологические регуляторы человеческих отношений будут поспевать за интенсивно ускоряющимся развитием новейших технологий. Сценарий сохранения предполагает сетевую организацию мирового сообщества и формирование планетарного сознания, свободного от макрогрупповой (этнической, сословной, конфессиональной) доминанты, развитие космополитической солидарности и стратегических смыслов, не требующих деления на “своих” и “чужих”.

В книге [Назаретян 2015], где прослежена история становления неконфронтационного сознания за последние 2,5 тыс. лет, я показываю, что современная междисциплинарная картина мира, в отличие от классического естествознания, небезразлична к проблематике целей, ценностей и смыслов человеческого бытия. Она создает основу для стратегических смысловых координат, хотя готовность массового сознания к освоению научного мировоззрения небесспорна. Вывод о том, что прогресс всегда был и остается *выбором меньшего из зол*, принципиален для оценки текущего исторического этапа. Оптимальные сценарии обозримого будущего (сценарии выживания) сопряжены с радикальными перестройками антропосферы, мало напоминающими идиллии классических прогрессистов. На нынешнем историческом этапе просматривается фундаментальное противоречие между двумя тенденциями в массовом мироощущении.

С одной стороны, бурное совершенствование и распространение информационных технологий усиливает черты “мозаичного” сознания, которые социологи начали фиксировать уже в 1960-е гг. [Моль 1973] и которые в принципе способны вытеснять религиозно-идеологические конструкции. Важную роль в преодолении родовых размежеваний могло бы сыграть развитие новейших технологий человеческого воспроизводства, связанных с геной инженерией и формированием симбиозных носителей разума — развитие, призванное компенсировать экспоненциальное накопление генетического груза в связи с культурным подавлением естественного отбора. С другой стороны, страх перед новизной реанимирует этнонациональную, религиозную и прочие формы агрессивного фундаментализма, заражающего все новые слои и географические регионы.

От того, как будет развиваться этот глобальный конфликт смыслов, зависит, переживет ли цивилизация Земли XXI век, и если да, то в каком состоянии она встретит следующее столетие...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дойч Д. (2001) Структура реальности. М.: Ижевск: НИЦ РХД.
Дэвис П. (2011) Проект Вселенной. Новые открытия творческой способности природы к самоорганизации. М.: ББИ.
Ефремов К. (2004) Путешествие по кризисам // Лицейское и гимназическое образование. № 3. С. 5–6, 68–70.
Каспэ С.И. (1994) Новый Свет. Опыт социального конструирования (Иезуиты в Парагвае) // Средневековая Европа глазами современников и историков. Ч. IV. М.: Интерпракс. С. 248–275.

- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. (2011) Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. Т. 4. № 2. С. 5–29.
- Мельянцева В.А. (1996) Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: МГУ.
- Мид М. (1988) Культура и мир детства. М.: Наука.
- Могильнер М.Б. (1994) Российская радикальная интеллигенция перед лицом смерти // Общественные науки и современность. № 5. С. 56–66.
- Молчанова Е.С., Добряков И.В. (2008) Идеологический кризис в психиатрии: психопатология как адаптация и как эволюционный регресс // Историческая психология и социология истории. Т. 1. № 1. С. 158–168.
- Моль А. (1973) Социодинамика культуры. М.: Прогресс.
- Назаретян А.П. (2015) Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргамак-Медиа.
- Назаретян А.П. (2016) Психология в социальном прогнозировании: еще раз о причинных зависимостях // Вопросы философии. № 7. С. 115–129.
- Назаретян А.П. (2005) Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, политические и рекламные кампании. М.: Академия.
- Назаретян А.П. (1986) Социальные стереотипы в информационно-смысловой системе личности // Материалы всесоюзного симпозиума “Актуальные проблемы социальной психологии”. Часть I. Кострома: ИПАН – КГПИ. С. 110–111.
- О’Коннор Т.Э. (1993) Инженер революции. Л.Б. Красин и большевики 1870–1926. М.: Наука.
- Панов А.Д. (2005) Сингулярная точка истории // Общественные науки и современность. № 1. С. 122–137.
- Петренко В.Ф., Митина О.В. (1997) Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М.; Смоленск: СГУ.
- Рафалюк О.Е. (2012) “Пляски смерти” рубежа XIX–XX веков: образ смерти в сознании русской культурной элиты // Историческая психология и социология истории. Т. 5. № 2. С. 38–59.
- Савчук В.В. (2001) Насилие и цивилизация комфорта // Антропология насилия. СПб.: Наука. С. 476–496.
- Троцкий Л.Д. (2001) Моя жизнь. М.: Вагриус.
- Урлианс Б.Ц. (1994) История военных потерь: войны и народонаселение Европы. СПб.: Полигон.
- Уткин А.И. (2012) Рузвельт. М.: Культурная революция.
- Уэллс Г. (1958) Россия во мгле. М.: Госполитиздат.
- Федоров Н. (1982) Сочинения. М.: Мысль.
- Феклисов А.С. (2016) Признание разведчика. М.: Аргамак-Медиа.
- Фукуяма Ф. (1990) Конец истории? // Вопросы философии. № 3. С. 84–118.
- Хантингтон С. (1994) Столкновение цивилизаций? // ПОЛИС. № 1. С. 33–48.
- Харрис С. (2012) Конец веры. Религия, террор и будущее разума. М.: Эксмо.
- Энгельс Ф. (1965) Письмо к Йозефу Блоху // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. М.: Политиздат. С. 393–397.
- Энджелл Н. (2009) Великое заблуждение: очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. М.: Социум.
- Cao Shuji (2001) Zhongguo Renkou shi: Qing shiqi (A History of the Chinese Population: The Qing Dynasty), Vol. 5. Shanghai: Fudan Univ. Press.
- Davies J. (1969) Toward a Theory of Revolution // Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective. New York: Free Press. Pp. 85–108.
- Diamond J. (1999) Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies. New York, London: W.W. Norton & Company.
- Goldstone J. (2002) Population and Security: How Demographic Change can Lead to Violent Conflict // Journal of International Affairs. 56/1. Pp. 11–12.
- Helder R., Desor D., Toniolo A.-M. (1995) Potential Stock Differences in the Social Behavior of Rats in a Situation of Restricted Access to Food // Behavior Genetics. Vol. 25. No. 5. Pp. 483–487.
- Kurzweil R. (2005) The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. New York: PB.
- Mattern S. (1999) Rome and the Enemy. Imperial Strategy in the Principate. Berkeley: Univ. of California Press.
- Mirkovic A. (2015) The Real End of History // From Big Bang to Global Civilization: A Big History Anthology. Vol. 1. Delhi: Primus Books. Pp. 188–208.
- Nazaretyan A.P. (2003) Power and Wisdom: Toward a History of Social Behavior // Journal for the Theory of Social Behaviour. Vol. 33. No. 4. Pp. 405–425.

- Rees M. (1997) *Before the beginning. Our Universe and Others*. New York: Helix Books.
- Sloterdijk P. (1983) *Kritik der zynischen Vernunft*. 2. Bnd. Frankfurt am Main: Edition Suhrkamp.
- Smolin L. (2014) *The Singular Universe and the Reality of Time: A Proposal in Natural Philosophy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Snooks G.D. (1996) *The Dynamic Society. Exploring the Sources of Global Change*. London, New York: Routledge.
- Wang Yumin (1993) Taiping tianguo geming shiqi 'renkou sunhao yu yi shuo' bian zheng (Debating the so-called 'death toll exceeding one hundred million' during the Taiping Revolution period) // *Xueshu Yuekan* (Academic Monthly). No. 6. Pp. 41–50.

The Role of Bolshevik Revolution in Russian and World History

A. NAZARETYAN*

***Nazaretyan Akop** —doctor of science (Psychology, Philosophy), honorary professor at the State University "Dubna", senior researcher Institute for Oriental Studies (RAS), editor-in-chief of the journal "Historical Psychology & Sociology". Address: 12 Rossoshanskaya. Moscow, Russian Federation 107031. E-mail: anazaret@yandex.ru

Abstract

October (November) 1917 and subsequent years were marked by crucial events which were catastrophic for most of peoples in the former Russian Empire and played an ambiguous role in world history. The paper discusses reasons, consequences and lessons of the revolutionary events stressing some of the system factors that have not attracted sufficient attention so far. The Russian Revolution's influence on the developments in the Western civil institutes and procedures is considered, as well as its role in preventing the atomic war. In conclusion, the reasons of the USSR breakdown and following decrease in sustainability of the global geopolitics are considered.

Keywords: history, war, revolution, catastrophophilia, progress, techno-humanitarian balance.

REFERENCES

- Angell N. *Velikoe zabluzhdenie: ocherk o mnimyykh vygodakh voennoi moschi natsyi* [The great illusion: A study of the relation of military power in nations to their economic and social advantage]. Moscow: Sotsium.
- Cao Shuji (2001) *Zhongguo Renkou shi: Qing shiqi* [A History of the Chinese Population: The Qing Dynasty], vol. 5. Shanghai: Fudan Univ. Press.
- Davies J. (1969) Toward a Theory of Revolution. *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective*. New York: Free Press, pp. 85–108.
- Davies P. (2011) *Proect Vselennoi* [The cosmic blueprint]. Moscow: BBI.
- Deutsch D. (2001) *Struktura realnosti* [The fabric of reality]. Moscow; Izhevsk: NIC RKhD.
- Diamond J. (1999) *Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies*. New York; London: W.W. Norton & Company.
- Efremov K. (2004) Puteshestvie po krizisam [A travel around the crises]. *Litseyskoe i gimnazicheskoe obrazovanie*, no. 3, pp. 5–6, 68–70.
- Engels F. (1965) Pismo k Iozefu Blokhui [A letter to Joseph Bloch]. Marx K., Engels F. *Sochinenia*, vol. 37. Moscow: Politizdat, pp. 292–297.
- Feklisov A.S. (2016) *Priznanie razvedchika* [Confession of an intelligence officer]. Moscow: Argamak-Media.
- Fiodorov N. (1982) *Sochinenia* [Works]. Moscow: Mysl'.
- Fukuyama F. (1990) Konets istorii? [The end of history?]. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 84–118.
- Goldstone J. (2002) Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs*, vol. 56, no. 1, pp. 11–12.
- Helder R., Desor D., Toniolo A.-M. (1995) Potential Stock Differences in the Social Behavior of Rats in a Situation of Restricted Access to Food. *Behavior Genetics*, vol. 25, no. 5, pp. 483–487.
- Huntington S. (1994) Stolknovenie tsivilizatsiy? [The clash of civilizations?]. *POLIS*, no. 1, pp. 33–48.
- Hurries S. (2012) *Konets very. Religia, terror i budushee razuma* [The end of faith. Religion, terror and the future of reason]. Moscow: Eksmo.

- Kaspe K. (1994) Novyi Svet. Opyt sotsialnogo konstruirovaniia (Jesuits in Paraguay) [New World. An experience of social designing (Jesuits in Paraguay)]. *Srednevekovaiia Evropa glazami sovremennikov i istorikov* [Medieval Europe in eyes of contemporaries and historians] vol. IV. Moscow: Interprax, pp. 248–275.
- Korotaev A.V., Zinkina Yu.V. (2011) Egipetskaia revoliutsia 2011 goda: sotsiodemograficheskiy analiz [The Egypt revolution of 2011: A socio-demographic analysis]. *Istoricheskaya psikhologia i sotsiologia istorii*, vol. 4, no. 2, pp. 5–29.
- Kurzweil R. (2005) *The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology*. New York: PB.
- Mattern S. (1999) *Rome and the Enemy. Imperial Strategy in the Principate*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Mead M. (1988) *Kultura i mir detstva* [Culture and the world of childhood]. Moscow: Nauka.
- Meliantsev V.A. (1996) *Vostok i Zapad vo vtorom tysiacheletii: ekonomika, istoriya i sovremennost'* [East and West in the 2nd millennium: Economy, history and modernity]. Moscow: MSU.
- Mirkovic A. (2015) The Real End of History. *From Big Bang to global civilization: A Big History Anthology*, vol. 1. Delhi: Primus Books, pp. 188–208.
- Mogilner M.B. Russkaya radikalnaya intelligentsia pered litsom smerti [Russian radical intellectuals' view of death]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 56–66.
- Molchanova E.S., Dobriakov I.V. (2008) Ideologicheskiiy crisis v psikhiiatrii: psychopatologia kak adaptatsia i kak evoliutsionniy regress [Ideological crisis in psychiatry: Psychopathology as adaptation and as evolutionary regress]. *Istoricheskaya psikhologia i sotsiologia istorii*, vol. 1, no. 1, pp. 158–168.
- Moles A. (1973) *Sotsiodinamika culture* [Socio-dynamics of culture]. Moscow: Progress.
- Nazaretyan A.P. (2017) *Nelineinoe budushee. Mega-historia, synergetika, kulturnaia antropologia i psikhologia v globalnom prognozirovanii* [Non-linear futures. Mega-history, synergetics, cultural anthropology and psychology in global forecasting]. Moscow: Argamak-Media.
- Nazaretyan A.P. (2005) *Psikhologia stikhiynogo massovogo povedeniia: tolpa, slukhi, politicheskie i reklamnye kampanii* [Psychology of collective behavior: mobs, rumors, political and political and advertising campaigns]. Moscow: Academia.
- Nazaretyan A.P. (2016) *Psikhologia v sotsialnom prognozirovanii* [Psychology in social forecasting]. *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 115–129.
- Nazaretyan A.P. (2003) Power and Wisdom: Toward a History of Social Behavior. *Journal for the Theory of Social Behavior*, vol. 33, no. 4, pp. 405–425.
- Nazaretyan A.P. (1986) Sotsialnie stereotipy v informatsionno-smyslovoi sisteme lichnosti [Social stereotypes in the personal semantic system]. *Proceedings of the national symposium "Current problems in social psychology"*. Part I. Kostroma: IPAN – KSPI, pp. 110–111.
- O'Connor T.E. (1993) *Inzhener revoliutsii. L.B. Krasin i bolshevik. 1870–1926* [Engineer of revolution. L.B. Krasin and the Bolsheviks 1870–1926]. Moscow: Nauka.
- Panov A.D. (2005) Singuliarnaia tochka evoliutsii [The singular point in history]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 122–137.
- Petrenko V.F., Mitina O.V. (1997) *Psychosemanticheskiiy analiz dinamiki obschestvennogo soznaniia* [Psycho-semantic analysis of the dynamics in social consciousness]. Moscow; Smolensk: SSU.
- Rafaliuk O.E. (2012) "Pliaski smerti" na rubezhe XIX – XX vekov: obraz smerti v soznanii russkoi kulturnoi elity [Death dancing on the boundary of 19th – 20th centuries: The Russian cultural elite's image of death]. *Istoricheskaya psikhologia i sotsiologia istorii*, vol. 5, no. 2, pp. 38–59.
- Rees M. (1997) *Before the Beginning. Our Universe and Others*. New York: Helix Books.
- Savchuk V.V. (2001) Nasilie i tsivilizatsiia komforta [Violence and the civilization of comfort]. *Antropologia nasilia* [Anthropology of Violence] St.-Petersburg: Nauka, pp. 476–496.
- Sloterdijk P. (1983) *Kritik der zynischen Vernunft*. 1 und 2. Bnd. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Smolin L. (2014) *The Singular Universe and the Reality of Time: A Proposal in Natural Philosophy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Snooks G.D. (1996) *The Dynamic Society. Exploring the Sources of Global Change*. London; New York: Routledge.
- Trotsky L.D. (2001) *Moia zhizn'* [My life]. Moscow: Vagrius.
- Urlanis B. Ts. (1994) *Istoria voennykh poter': voiny i naselenie Evropy* [History of military losses: Wars and the European population]. St.-Petersburg: Poligon.
- Utkin A.I. (2012) *Ruzvel't* [Roosevelt]. Moscow: Kulturnaia revoliutsia.
- Wang Yumin (1993) Taiping tianguo geming shiqi 'renkou sunhao yu yi shuo' bian zheng [Debating the so-called 'death toll exceeding one hundred million' during the Taiping Revolution period]. *Xueshu Yuekan* [Academic Monthly], no. 6, pp. 41–50.
- Wells H. (1958) *Rossia vo mgle* [Russia in the shadow]. Moscow: Gospolitizdat.